

Посвящение

Мелиссе. Ты значишь для меня больше, чем я могу выразить словами, ведь ты все для Иззи...

И

Моей дорогой Талии. Твой свет способен озарить самую темную из комнат...

Плей-лист

Trampoline by SHAED

Sweet Child O' Mine by Guns N' Roses

Bury a friend by Billie Eilish

Bad Romance by Lady Gaga

Black by Pearl Jam

I Will Follow You Into the Dark by Death Cab for Cutie

Dreamer by LP

Tidal Wave by Portugal. The Man

We Are Young by Fun. (feat. Janelle Monáe)

BOOM by X Ambassadors

Good Riddance (Time of Your Life) by Green Day

Beloved by Mumford & Sons

Times Like These by the Foo Fighters

Пролог

Тея

Ричмонд, Вирджиния, два года назад

Золос моей сестры эхом донесся из прихожей:
— Тея, поехали уже!
— Иду, — крикнула я, сидя в своей старой спальне в доме наших родителей.

Я приезжала к ним на лето и превратила свою бывшую комнату во временную художественную студию, с брезентом на полу и огромным холстом на мольберте у окна. Делия ныла, что я дома всего три дня — и уже вся перепачкалась красками, а ведь мне еще идти к ней на выпускной. Но не рисовать три дня для меня все равно что не есть и не дышать.

За моей спиной по «Нетфликсу» показывают «Офис», лучший в мире сериал. Я каждую серию по сто раз пересмотрела. Мама предполагала, что я так им одержима, потому что сериал похож на меня: смешной, честный и шутки сыпятся в самые неподходящие моменты. Что ж, виновна по всем пунктам.

Я убрала прядь светлых волос с глаз и вытерла руки о льняной халат. Фиолетовые и оранжевые мазки добавились к полосам желтого и темно-синего цвета. Обычно я использовала не только кисти, но и свои пальцы. Папа любил дразнить, мол, я как

начала рисовать пальцами в детстве, так и не смогла остановиться.

Брезент зашуршал под моими босыми ногами, когда я отступила, чтобы оценить холст. Египетская пирамида отбрасывала темную тень на золотой песок пустыни в лучах заходящего солнца.

Мой взгляд переместился на фотографию, сделанную мною во время нашей семейной поездки в Гизу прошлым летом. Я не знала, что в этих проклятых пирамидах — или истории Египта вообще — так меня очаровало, но я просто помешалась на этой теме. Огромные гробницы были ошеломляющими. Египтяне заполнили их комнаты всем, что может понадобиться фараону в загробной жизни.

Словно он не умер, а просто ненадолго отлучился.

— Как в путешествие, — пробормотала я.

— Алтея, спускайся сейчас же! — заорала Делия. — Мы же опоздаем!

— Мы при всем желании не опоздаем, ведь ты потребовала выехать за три часа до начала! — крикнула я в ответ.

Затем склонила голову к своей работе, и мои губы сами собой растянулись в улыбке. Я всегда позволяла картине самой решать, когда работа над ней завершена, и эта как раз закончилась. Цвета и формы отображали величие пирамиды, красоту пустыни и необъятность неба над головой именно так, как я хотела.

Я сняла халат. Под ним на мне было розовое шелковое платье. Быстрый осмотр выявил лишь несколько брызг краски на подоле.

Голос Делии снова подхлестнул меня.

— Я знаю, что мой выпускной ничего для тебя не значит...

— Тея, дорогая, — позвала мама, мягко вклиниваясь в разговор. — Пожалуйста, спускайся.

Я последний раз взглянула на картину и улыбнулась.

— Ничего вышло, — сказала я самой себе.

— Тея, богом клянусь...

— Да иду я! — Я выключила телевизор и шумно спустилась по лестнице. — Действительно, давайте поспешим, а то вдруг нам придется сидеть несколько часов и ждать начала.

Наши родители — Сандра и Линден — уже переоделись в элегантные наряды и ждали меня вместе с Делией. Сестра была в темно-синей выпускной мантии. Она пригладила выбившуюся прядь своих темных, до плеч волос и смерила меня полным презрения взглядом, пока я запихивала ноги в туфли на низком каблуке, которые она заставила меня надеть по случаю.

— Мой выпускной, мне и решать, когда выезжаем, — заявила Делия. — И что на тебе такое?

— Каблуки, — ответила я. — Но лишь потому, что ты меня вынудила.

— Я про платье. Оно все в краске.

— Всего пара капелек. Придают изюминку наряду. Делия закатила глаза.

— Ты грязная. Как всегда. Удивительно, что хоть волосы расчесала.

— Ну сегодня же суббота. — Я подмигнула папе.

Он подмигнул в ответ.

— Идем, милые. Туда добираться час. Если выедем сейчас, то прибудем на место... — Сделал вид, будто сверяется с часами. — Да, сильно заранее.

Делия со свистом втянула воздух, переходя в свой печально знаменитый деловой режим.

— Знаю, по-вашему, я чокнутая, но вы мне еще спасибо скажете, когда не придется судорожно искать место для парковки. Народу ожидается много, и я беспокоюсь, что мы опоздаем.

— Ты? Беспокоишься? Да ладно.

— Боже, ты хоть раз в жизни можешь отнестись к чему-то серьезно? — спросила Делия, оборачиваясь ко мне. — Перестань шутить. И когда церемония начнется, не смей устраивать сцен и позорить меня.

Я невинно моргнула.

— Ты о чем?

Она подарила мне Смертоносный Взгляд Делии.

— Ты знаешь, о чем я. Ничего неуместного.

— С тобой не повеселишься.

— Зато ты отрываешься за нас обеих.

— Верно.

Моя сестра — самый дисциплинированный человек в мире, а вот я вечно жила одним днем. Папа любил шутить, что касаясь нашего родства ему приходится верить маме на слово.

— У нас еще есть время сфотографироваться, — заявила мама, готовя свой мобильный. — Девочки, станьте поближе друг к другу. Ты тоже, Линден.

— Мам, ты должна быть в кадре, — сказала я. — Возьми мой телефон. Там есть таймер.

Я кинулась вперед, открыла приложение и положила телефон на полку напротив лестницы. Затем обнялась с моими самыми любимыми людьми в мире.

— У нас десять секунд, — сказала я с улыбкой. — Все говорим «чиииз».

Телефон щелкнул. Мама взяла его с полки и проверила изображение.

— Отлично. Вы обе прекрасно выглядите. — Ее глаза наполнились слезами, когда она повернула экран к нашему отцу. — Ну разве они не красавицы?

Папа кивнул и обнял Делию за плечи.

— Мы так гордимся тобой, дорогая. — Он посмотрел на меня и подмигнул мне: — Тобой тоже, горошек.

Мне двадцать один год, а папа по-прежнему называет меня горошком. Я надеялась, что он никогда не перестанет это делать.

Я обняла Делию.

— Я тоже тобой горжусь, сестренка. Произносить речь на выпускном вечере в Университете Вирджинии!.. А ты крутая!

— Спасибо, Тея, — сказала Делия с теплой улыбкой, которую приберегала для особых случаев. Затем она прочистила горло и вернулась в свой деловой режим. — Может, уже поедет?

— Да, да. — Папа снял ключи от машины с крючка на стене и широко распахнул входную дверь. — Дамы.

Мы направились к двери; мои ноги уже ныли из-за этих глупых туфель. У кого-то зазвонил телефон.

— Это у меня, — сказала Делия, роясь в сумочке. Она прочитала сообщение и стиснула зубы. — Родители Роджера его кинули. Опять. Нужно его подобрать.

— Они не пойдут на выпускной? — переспросила я. — Боже, вот же уроды.

Найсы жили в нескольких кварталах от нас, в доме, похожем на наш, на такой же прекрасной улице, но с тем же успехом они могли жить на Луне, настолько отличались от наших мамы и папы. Мы с Делией росли, окруженные неизменной любовью и поддержкой родителей, и у нас в голове не укладывалось, как Найсы могут вечно наплеватьски относиться к собственному сыну.

— Без проблем, — сказал папа. — Мы можем его забрать.

Делия взяла ключи от своей машины.

— Нет, я отвезу его сама. А вы, ребята, поезжайте.

— Дорогая, нам хватит времени за ним заскочить. Она покачала головой.

— Вы знаете, каков Роджер. Он от стыда сторит. Лучше я его отвезу.

Делия заметила, как мы обменялись любопытными взглядами, как делали всегда, когда она упоминала Роджера. Ребята клялись, что всего лишь друзья, но были неразлучны еще с детского сада. Только Роджер мог выбить мою сестру из ее жесткого графика. Их дружба была одной из тех немногих вещей, которые выявляли ее более мягкую сторону.

— Слушайте, — начала Делия. — Поездка с нами только заставит Роджера чувствовать себя еще хуже. Ему придется наблюдать за тем, как мама и папа прекрасно общаются, и это через несколько минут после того, как собственные родители в который раз его подвели.

— Ну если ты так считаешь, — протянул папа.

— Именно так я и считаю. — Делия поцеловала его в щеку, обняла маму и похлопала меня по голове. — Ведите себя хорошо, — напутствовала она. — Встретимся на месте. Езжайте не спеша, но не теряйте времени.

Она бросила на нас последний строгий взгляд, а затем пронеслась мимо прямиком в теплый майский вечер. Ее отглаженная мантия хлопала вокруг туфель на низком каблуке, что отбивали по асфальту барабанную дробь, словно бы говоря «Все. Прочь. С моего. Пути».

— Отлично, — сказала я. — Теперь мы можем остановиться и перехватить по кусочку пиццы.

Мама пригладила свои светлые, уже тронутые сединой кудри.

— Думаю, один из лучших подарков, который мы можем преподнести твоей сестре на выпускной, — это быть на месте к ее приезду.

— Подождите. — Я стащила туфли и схватила с подставки для обуви у двери свои желтые сандалии.

— Тея, ты же обещала, — укорила мама.

— Эй, я пообещала надеть это скучное платье. Одобренная Делией обувь в контракт не входила. Она ни о чем и не узнает, пока не станет слишком поздно.

Мы забрались в серебряный «Кадилак» отца. Мама устроилась впереди, я села за ней, и мы отправились в путь из Ричмонда в Шарлоттсвилль, штат Вирджиния. Виды были ошеломляющими — зеленые холмы и деревья под безоблачным голубым небом. Я любила свой родной штат, но не собиралась в нем оставаться. Как только окончу Школу искусств в следующем году, сразу потащу свою задницу напрямик в Нью-Йорк.

— Как насчет музыки? — спросила я с заднего сиденья.

— Восемь секунд тишины, — отметил папа. — Новый рекорд.

— Музыка — это жизнь, — сказала я смеясь. — Сразу после живописи. И «Офиса». И пиццы.

— Никакой пиццы. — Папа покрутил радио, пока не нашел мою любимую станцию, и машину наполнили звуки «Bad Romance». — Хорошо?

— С Леди Гага не может быть плохо.

Папа ухмыльнулся.

— Поверю на слово.

Я подпрыгивала в такт песне, насколько мне позволял ремень безопасности, пока мама не убавила громкость.

— Бедняга Роджер, — сказала она. — О чем вообще думают его родители?

— Мне интересно, о чем думает Делия, — заметил папа и посмотрел на меня через зеркало заднего вида. — Вы, часом, не ведете задушевные разговоры по-сестрински? Они не встречаются?

— Понятия не имею, — ответила я. — Ты же знаешь, какова Делия. Себе на уме. Никогда ничего мне не рассказывает.